

Влас Дорошевич

Македонские легенды

Влас Михайлович Дорошевич

Македонские легенды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=655285

Аннотация

«Это не колокольчики стад звенят в горах, – это звенит копытами по горной тропинке сухой, проворный, как коза, горбоносый конь Ибрагима Алача.

Это не искры сыплотся от кремней по дороге, – это вспыхивает на солнце золотая насечка на пистолетах, на кинжалах, на ятагане Ибрагима Алача...»

Содержание

***	4
I	5
II	18
III	25

Влас Михайлович Дорошевич Македонские легенды¹

* * *

(В этих легендах самое легендарное то, что они представляют собою правду. Герои этих былин, имена которых с ужасом повторяют Македония и Старая Сербия, или, действительно, существовавшие личности, – или, – как Ибрагим Алач, – личности, существующие и в настоящее время и продолжающие свои «легендарные» подвиги. – Примечание В.М. Дорошевича.)

I

Ибрагим Алач

Это не колокольчики стад звенят в горах, – это звенит копытами по горной тропинке сухой, проворный, как коза, горбоносый конь Ибрагима Алача.

Это не искры сыплются от кремней по дороге, – это вспыхивает на солнце золотая насечка на пистолетах, на кинжалах, на ятагане Ибрагима Алача. Зачем спускается с гор Ибрагим?

Сегодня день Великого Всадника. День святого Георгия². Велик аллах!

Он создает птиц, – он же рассыпает им корм по земле. Он создал горы, чтобы жить.

А долины покрыл золотыми нивами, зелеными лугами, стадами, сербами и болгарами.

Каждый год, в день Великого Всадника, «господа» спускаются с гор, чтоб назначить сербам «четели» («Четель» – дань албанцам обыкновенная. Она освящена обычаем. – Примечание В.М. Дорошевича.). Кому сколько платить. Три крови на Ибрагиме.

² ...день великого Всадника. День святого Георгия. – День Георгия Победоносца, воина-героя христианских и мусульманских преданий, с которым фольклорная традиция связывала весеннюю культовую обрядность, приходился на 23 апреля.

Три магометанских крови, – потому что кровь «райя»³ и не считается за кровь.

Но едет он спокойно и беззаботно, рука на рукоятке пистолета, ничего, никого не боясь.

Много чего знает Ибрагим, – только одно не знает: страха. Весело глядит он вниз на долину, – и под тонкими черными усами улыбаются губы Ибрагима. О веселом думает человек.

Думает он, должно быть, какие «зулумы» возьмет с неверных собак («Зулум» – дань экстраординарная. Каприз. Она назначается албанцами по прихоти. Но тоже освящена обычаем. В этой стране все «освящено обычаем». – Примечание В.М. Дорошевича.).

И «господа», которые спускаются с гор в долину назначать сербам «четели», – видя веселого Ибрагима, улыбаются и думают:

«Будет о чем поговорить! Что на этот раз выдумал головорез?!»

Потому что Ибрагим Алач считается головорезом даже албанцами. Тихо в Рибовице.

Ибрагим едет по пустым улицам, узенькими коридорами между стен без окон, – потому что кто же здесь делает окна на улицу?

И пословица старосербская говорит:

³ Райя – у албанцев-мусульман презрительное прозвище «неверных», в данном случае сербов.

«Если строишь дом в Ипек⁴, не делай окон на улицу; если в Приштине, пожалуй, сделай, только повыше от земли; в Призрение, если крепки железные решетки, можешь даже отворять окно, – когда на улице никого нет». А Ипек рай пред Рибовицей.

Ибрагим останавливает коня пред калиткой и свистит. В тот же миг из калитки выходит серб без шапки. Он ждал по ту сторону калитки, – когда его свистнут.

Ждал, и сердце его билось по стуку копыт коня Ибрагима.
– Здравствуй, господин! – говорит серб, рукою касаясь земли, и держит стремя Ибрагиму.

Ловко, как кошка, соскакивает с коня Ибрагим и идет в дом к сербу.

Считает у него скот, говорит:

– А нынче хорошо зазеленело в полях.

Делает на двух «четелях» заметки, сколько в этом году платить сербу, – одну дощечку отдает ему, другую прячет к себе в сумку за седлом.

Даже не смотрит дрожащий серб на дощечку. Сколько там нацарапано.

До Михаила архангела времени много⁵. Успеет насмотреться. Ибрагим Алач объехал всех «своих» сербов и повер-

⁴ Ипек – ныне г. Печ, Рибовица – г. Рибница.

⁵ До Михаила архангела времени много. – День Михаила архангела, по христианским представлениям, полководца верных богу ангелов и людей в космической войне с врагами бога, победоносного антагониста дьявола, приходился на 8 ноября.

нул коня на базар.

Дело сделано, теперь можно и повеселиться. «Четели» назначены, теперь можно заняться и «зулумами». На краю базара лавка Данилы.

Ибрагим трогает повод. Конь, перебирая точеными ногами и косясь на разложенную зелень, останавливается у лавки Данилы.

– Здравствуй, господин! – говорит Данило, бледнея и касаясь рукою земли. Ибрагим смотрит на него с улыбкою.

Достает из-за пояса шелковый платок, наклоняется с седла, захватывает в горсть бобов из кошелки, завязывает в шелковый платок и кидает в лицо Данилы.

Данило кланяется, касаясь рукою земли, и с ужасом глядит на платок. Ибрагим уже проехал дальше.

Данило развязывает шелковый платок и считает бобы. Ноги у него подкашиваются, глаза становятся мутными, дрожит отвисшая нижняя губа.

И долго он понять не может, что говорит ему покупатель, пришедший купить зелени. Ошеломило человека.

А Ибрагим окликнул уж скотовода Марко, выгнавшего на базар поганных свиней.

– Поганый!

– Здрав будь, господин! – низко кланяется Марко. Ибрагим, не торопясь, достает две гильзы. Высыпает из дробницы двенадцать картечин. Шесть сыплет в одну гильзу и затыкает пыжом.

В другую насыпает сначала пороху заряд, забивает пыжом. Марко, дрожа, испуганными глазами смочит на то, что делает Ибрагим.

Ибрагим, не торопясь, кладет и в эту гильзу шесть картечин, забивает пыжом и кончиком кинжала чертит на гильзе знак:

– Это будет значить: «для Марко».

Он прячет свою гильзу с порохом в патронташ, который идет по поясу, а другую, с одними картечинами, подает Марко.

– В день Великого Воина⁶ я приду опять. От тебя будет зависеть, куда получить свой заряд: в карман или в лоб. Что тебе лучше, то и выбирай.

– Счастлив будь, господин! – бормочет Марко, пряча гильзу за пазуху и все еще кланяясь, хоть Ибрагим уже проехал дальше.

Рука у него ходит ходуном, и долго Марко не может найти даже собственной пазухи.

Ибрагим встретил приятелей – «господ», которые тоже уж назначили «своим» сербам и болгарам и «четели» и «зулумы», – и всех их позвал в гости к Мирко. Самый богатый гяур⁷ во всей Рибовице. Знает Мирко, что господин его не минет. Спрятал дочь в погреб. Посмотрел на жену:

– Кажется, не хороша?

⁶ День Великого Воина – Михаила архангела.

⁷ Гяур – у исповедующих ислам презрительное прозвище всех немусульман.

Но махнул рукой:

– Ступай и ты в погреб. Лучше будет! Один с работниками господам услужу.

С низкими поклонами встречает Мирко своего господина и чужих господ.

– В прошлый день Великого Воина я видел у тебя дочь. Тогда еще была девчонка, теперь прошел год... Где она?

– Девушки плохие жильцы. Не успел оглянуться, уехала жить в другой дом. Вышла замуж моя дочь! – улыбаясь и кланяясь, отвечает Мирко.

– Жаль, – мрачно говорит Ибрагим, – скажи жене...

– Жена к соседям ушла! – кланяется Мирко.

– Ну, а бараны у тебя дома или тоже к соседям в гости ушли?

– Бараны дома! – старается как можно веселее смеяться Мирко.

– Жарь их.

До позднего вечера бражничает Ибрагим со своими гостями. Угощает их как только можно лучше.

А когда взошла луна, и при ее свете узенькой белой ниточкой засверкала на горе тропинка, Ибрагим поднимается с места.

Заседланные кони уж нетерпеливо бьют копытами о землю.

– Сколько было барашков? – спрашивает Ибрагим, доставая кошелек.

Мирко смотрит на него с удивлением, даже с испугом.

– Сколько было барашков? – Не слышишь? – уж сердито повышая голос, спрашивает Ибрагим, и брови его заходили ходуном.

Все «господа» смотрят на Ибрагима с удивлением. А он перебрасывает из руки в руку кошелек и звенит серебром.

– Сколько было зажарено барашков?

– Что их считать? – бормочет Мирко. – Было шесть...

– Почему теперь барашки?

– Да стоит ли даже думать об этом, господин...

Брови Ибрагима сдвинулись сурово и страшно. Рука, кажется, потянулась к ятагану.

– К тебе не разбойники приехали, собака. Говори, сколько стоит барашек...

– Три пиастра! Три пиастра! – спешит ответить трясущимися губами Мирко.

Он не знает, не во сне ли ему это снится. И только думает: «Если сплю, поскорей бы проснуться!»

– Барашки были хороши! – успокоившись, говорит Ибрагим. – За таких барашков не жаль заплатить и по пяти пиастров!

Мирко вздыхает с облегчением и кланяется с благодарностью.

– Куры?

– Ну, что кур считать? Что может курица стоять?

– Куры, тебя спрашивают?

– Ну, полпиастра, господин. Полпиастра, господин.

– Куры были жирные. Мне подарков не надо. Такая курица стоит целый пиастр! Их было зажарено десять...

– Ну, хоть было зажарено и пятнадцать, – будем считать, что десять. – Пятнадцать кур – пятнадцать пиастров. Да тридцать за барашков. Ну, все остальное, будем считать, пятнадцать пиастров еще. Пятьдесят пиастров за все угощение. Довольно?

Мирко одной рукой дотрагивается до земли, другой касается лба и сердца.

Радостная улыбка у него по всему лицу:

– Господин!..

– Ну, так плати мне пятьдесят пиастров, – и мы едем. Пора! – спокойно говорит Ибрагим. Все «господа» раздражаются хохотом. Только один Ибрагим спокоен. – Ну, что ж ты стоишь? Плати пятьдесят пиастров. Сам сказал, что угощение стоит столько. Плати «таш-парази» («Таш-парази» – плата «за работу челюстей». Тоже «освящено обычаем». – Примечание В.М. Дорошевича.).

Нетвердыми шагами идет Мирко в Другую комнату, стараясь улыбнуться, выносит деньги и с низким поклоном подает их Ибрагиму.

Ибрагим пересчитывает пиастры, говорит:

– Это недорого! – Кладет их в кошелек, прячет кошелек за пояс, как кошка, вспрыгивает на седло. И в ночной тишине зазвенели по каменистой тропинке, как колокольчики уда-

ляющегося стада, копыта коней «господ», уезжающих к себе в горы до дня Великого Воина.

В день Великого Воина, архангела Михаила, снова «господа» спускаются с гор в «свои» долины.

Собирать «четели» и «зулумы», назначенные в день Великого Всадника.

Снова едет Ибрагим, сверкая золотой насечкой на пистолетах, кинжалах, ятагане, по мертвым улицам Рибовицы, и сухопарый конь его стучит копытами по мерзлой земле, словно гроб заколачивают.

Ибрагим останавливается у низеньких калиточек, достает из сумки за седлом дощечки, по ним пересчитывает пиастры «своих» низко кланяющихся сербов и болгар. «Четели» собраны. Ибрагим выезжает на базар.

Торговец Данило уж ждет его на пороге лавчонки, дрожащий, – встречает низким поклоном. Ибрагим останавливает коня.

– Не потерял ли я тут, около твоей лавки, шелкового платка в день Великого Всадника? – спрашивает Ибрагим.

– Верно, господин! – с бледной улыбкой отвечает Данило, доставая из-за пазухи платок. – Шелковый платок с золотом. Я сохранил его в целости!

И он дрожащею рукою подает Ибрагиму платок. Ибрагим, не торопясь, разворачивает платок. Данило меняется в лице.

Ибрагим пересчитывает золотые и, подбрасывая их на ладони, спрашивает:

– Все?

Данило становится белым под пристальным взглядом Ибрагима, дрожит всем телом.

Голос его становится каким-то странным, глухим, чужим.

– Сколько было бобов... – с трудом выговаривает он.

– Собака! – спокойно говорит Ибрагим, и в голосе, и во взгляде его отвращение, презрение.

– Собака! В каждом пальце у меня больше ума, чем у тебя в голове! Собака!.. Ты думал: «Господин не считал бобов». Мне не нужно глядеть, я на ощупь сочту, сколько. Я дал тебе двенадцать бобов, а ты мне возвращаешь одиннадцать золотых?!

Ибрагим медленно считает, опуская золотые в кошелек: – ...девять... десять... одиннадцать... двенадцать... Отчаянный визг Данилы заставляет вздрогнуть всех на базаре и шарахнуться в сторону. Ятаган Ибрагима, словно молния, сверкнул. Данило держится за левое ухо, сквозь пальцы у него льется темно-алая кровь.

Отрубленное окровавленное ухо валяется у его ног. Весь базар, при блеске ятагана, от ужаса широко раскрывший глаза, теперь уже глядит успокоенно:

– Только ухо!

А Ибрагим уж поманил к себе из толпы Марко. Ежесекундно наклоняясь, чтоб коснуться рукою земли, Марко приближается к Ибрагиму.

– Будь здрав, господин!

Ибрагим смотрит на него с презрением и шарит в патрон-таше.

– Твой заряд цел. Хочешь получить его в карман или в голову?

– Я надеюсь получить его в карман! – отвечает, стараясь улыбнуться. Марко. – Только прости меня, господин. Ты мне тогда не сказал, а я побоялся спросить. Что ты желаешь иметь? Овец или коз?

– А ты что же приготовил? – строго спрашивает Ибрагим. – У меня есть и овцы, и козы. Что тебе будет угодно, господин! – отвечает с поклоном Марко, показывая на стадо, пригнанное на базар.

– Хорошо! – спокойно и с удовольствием говорит Ибрагим. – Я возьму шесть коз...

У Марко – вздох облегчения. Словно тяжесть упала с него. Он с жадностью глядит на своих жирных, косматых овец.

– ...и шесть овец! – спокойно добавляет Ибрагим. Марко бледнеет, начинает пошатываться на ногах. – Гони тех и других во двор к Мирко. Я еду к нему есть.

У Марко в глазах на момент ненависть, но он спешит поклониться.

Марко гонит коз и овец во двор к Мирко. У Мирко уж все готово к приему господина. Дом полон чада. Кипит, шипит все жареное, вареное.

Мирко с поклонами, с улыбкой, которая даже кажется радостной, встречает «своего албанца».

– Вот что, Мирко, – говорит Ибрагим, садясь есть, – я отдохну, – а ты пока прогони ко мне моих коз и овец. Мне не хочется их гнать самому. Да скажи там, у меня дома, чтоб прислали мне патронов, – я мало захватил.

Мирко кланяется и спешит исполнить приказание. Перед вечером он возвращается с патронами.

– Все исполнено, как ты приказал! – с радостной улыбкой сообщает он. У него сияющее лицо.

Ибрагим, улыбаясь, глядит на него и на патроны.

– Мирко, ты потерял два патрона. Мирко смотрит с удивлением и легким испугом:

– Мог ли я, господин?.. Я нес патроны, – твои патроны! – как собственные деньги. Сколько мне дали у тебя дома, господин, столько я и принес. Приедешь домой, – спроси. Они скажут, что дали...

– Мирко, ты потерял два патрона! – спокойно повторяет Ибрагим, но уже брови его сдвинулись. Глаза смотрят зло, углы губ опустились от презрительной улыбки. – Ты потерял два патрона, собака. Ведь ты пригнал ко мне весь мой скот?!

– Весь, господин! Мирко бледнеет, дрожит.

– Чего ж ты бледнеешь, собака? Ты пригнал шесть коз и шесть овец?

Мирко молчит.

– Тебе дали столько патронов, сколько голов скота ты пригнал. Так было заранее приказано дома. Тебе дали, значит, двенадцать патронов?!.. Или ты украл у меря две головы.

Молчишь, собака?..

Ибрагим достает пистолет.

Мирко хочет крикнуть, но у него перехватывает дух. Он открывает рот, но не может пошевелить губами. Ибрагим, спокойно развалясь, целит ему в лоб. Ибрагим с интересом, с удивлением смотрит на то, чего он не знает. На страх.

Он смотрит, как у Мирко сами подгибаются колени, как вытягивается лицо, как становятся бессмысленными глаза, как они закрываются слезами. Смотрит, как каждая жилка, каждая морщина дрожит у Мирко. Все лицо дрожит, как кисель. И с отвращением нажимает курок пистолета. Выстрел.

Мирко взмахивает руками, откидывается назад и валится набок.

Ибрагим встает, прячет за пояс пистолет и шагает через тело, на ходу бросив только мельком взгляд. Между глаз. Выстрел был хорош.

Ибрагим вскакивает на коня и спокойно, не торопясь, едет назад, к себе в горы.

И словно колокольчики удаляющегося стада, звенят копыта коня по подмерзшей от ранних заморозков земле.

И голубыми огоньками вспыхивают при ярком свете луны искры насечки на пистолетах, кинжалах, ятагане Ибрагима. Алача.

II

Георгий Войнович

(Это произошло в первой половине XIX века. – Примечание В.М. Дорошевича.)

Это не Вардар⁸, напившись кристальных вешних вод от тающих горных снегов и опьянев, белый от пены, бурный, с ревом несется, подбрасывая на гребнях своих стволы столетних деревьев, катя огромные камни, все разрушая на пути, – это Яшар-паша едет по долине Вардара.

Впереди него несутся крики ужаса, за ним путь улит следами.

В злую минуту взглянул злой албанец на долину Вардара, – и резнули ему глаза трепетные огоньки свечей в окнах церквей. Много церквей настроили «райя» по долине. И сказал паша:

– Разрушу все до основания. Клянусь, – каждый камень, на котором есть знак креста, переверну два раза!

Шло за Яшаром его отборное албанское войско, жестокое и злое.

Шли с кирками, с ломами, с заступами рабочие, чтоб подрывать и ломать церкви.

⁸ Вардар – река в Югославии и Греции. Липьян – г. Липлян на Вардаре.

И куда ни придет Яшар, в том селении только грохот раздастся, и столб пыли, словно дым густой, взвоется к небу. Плакала «райя» и с ужасом говорила:

– Пришел конец света, и антихрист идет по земле.

Сидел Яшар на площади, на узорном ковре, на шитых подушках и курил кальян.

А каменщики и землекопы работали заступами, кирками, ломами, подрывали и подламывали церковь.

Яшар махал платком, – и по этому знаку рабочие давали последний удар. Треск, грохот раздавался. Рушился купол, стены. Ураганом взвивалось вверх облако пыли. И когда пыль проходила, только груда камней лежала вместо церкви, и как саваном, белою пылью были покрыты все дома, все улицы местечка, словно в саваны одетые, покрытые белою пылью, стояли люди. Земля вздрагивала от ужаса. А люди плакали и терпели. Яшар-паша шел дальше и дальше разрушал. В Липьяне к старому собору собралась «райя» и в ужасе глядела на стены, от старости поросшие мохом:

– Ужели и этого старика не пощадит паша?!

Никогда еще столько свечей не пылало в соборе. И день, и ночь духовенство пело молебны, и народ плакал и молился.

Тихо было кругом Липьяна. Изо всех деревень народ ушел в город молиться и плакать. Но вот по дороге раздались крики ужаса. Это бежали обезумевшие от ужаса жители соседнего местечка:

– К вам Яшар идет! К вам Яшар идет!

А по пятам за ними гнались, сверкая оружием, албанцы Яшара, злые и радостные. Ехал, окруженный блестящею свитой, Яшар. Шли, словно могильщики, с заступами землекопы, с кирками и ломками каменщики.

Прошли они, звеня и гремя, по мертвым улицам Липьяна, – и остановились на площади, против собора.

Усмехнулся Яшар, увидев целое море огоньков в узеньких, стрельчатых окнах старого, от старости позеленевшего собора. И сказал он своим приближенным албанцам:

– Гоните райю из собора. Сейчас начнем подкапывать стены.

А солдаты Яшара стали подальше от домов: – Такая громада – собор рухнет, – земля содрогнется, и домам не устоять. Весь город рухнет вместе с собором.

Приближенные албанцы протискались сквозь толпу к дверям собора и крикнули:

– Выбегайте, собаки. Сейчас начнем подкапывать стены. Рухнет, – раздавит вас, как кучу червяков.

Но народ, который был в соборе, в один голос отвечал:

– Не пойдем из собора! Рушьте его на наши головы! Здесь отпевали наших прадедов, дедов, отцов. Здесь отпоют и нас.

И духовенство запело, отпевая народ, решивший умереть. Яшар усмехнулся:

– Глупые! Когда молния летит в вековой дуб и разбивает его в щепки, – разве она думает о мошках, которые сидят на его листьях? И если несколько собак приютилось под дере-

вом, разве это заставит молнию изменить свой полет? Яшар – молния аллаха.

И он дал знак землекопам и каменщикам, окружившим старые стены собора, начать работу.

Стукнули заступы, кирки, ломы, – и вся несметная толпа народа, которая не поместилась в соборе и стояла около, падала в ужасе на колени, закричала и завывала.

И был так страшен этот вой, что вздрогнуло даже сердце Яшара.

Он поднял руку, чтоб остановить работу. Посмотрел на покрытые мохом вековые стены, прислушался к похоронным напевам, несшимся из храма, посмотрел на рыдавший на колених на площади народ и задумался. Словно отца всякий хоронил.

– Хорошо! – сказал Яшар. – Если вам уж так дорог этот старик, – я согласен его оставить. Но с одним условием.

Он усмехнулся злою улыбкою:

– Видите это дерево? Пока солнце опустится до него, пусть кто-нибудь из вас сбегает в Приштину и принесет мне оттуда во рту око железных гвоздей. Если не успеет, – собор будет разрушен, как только солнце дойдет до дерева. Торопитесь!

Яшар с презреньем оглядел «райю». Толпа переглянулась. До Приштины – верст десять⁹. Времени оставалось с час.

⁹ До Приштины – верст десять – Расстояние от Липляна до г. Приштины составляет семнадцать километров.

Да и разве можно добежать с закрытым ртом, полным гвоздями?

– Что ж вы? – продолжал презрительно улыбаться Яшар. – Никто не найдетсЯ?

– Я! – раздался голос среди «райи». И из толпы вышел Георгий Войнович.

Яшар засмеялся, глядя на него:

– Беги!

Георгий Войнович сбросил с себя лишнюю одежду, поклонился паше, поклонился народу и бросился бежать.

Народ в ужасе стоял на коленях и молился за Георгия Войновича.

Каменщики и землекопы шутили, смеялись, выбирая места для будущих ударов заступами и кирками. Яшар смеялся со своими албанцами и поглядывал на солнце.

А время неслоь, как перед казнью, – и солнце быстро падало к дереву.

С улыбкой Яшар и с ужасом народ смотрел на солнце.

– Не вернется Георгий!

Вот золотом вспыхнула с края листва, и ветви стали розовыми.

Вот черное кружево листьев вырезалось на золотом солнечном круге. А Георгия Войновича нет. Солнце сейчас-сейчас коснется ствола.

Каменщики, землекопы взялись за кирки, заступы, лопаты и впились глазами в пашу, ожидая знака.

Прищурив один глаз, с насмешливой улыбкой Яшар взглянул на солнце и на ствол, подождал несколько мгновений и поднял руку. Но в эту минуту раздался крик:

– Бежит! Бежит!

По дороге бежал Георгий Войнович.

Ноги у него подкашивались, он качался из стороны в сторону.

Бежал, как бежит петух, которому перерезали горло. Спотыкаясь, с безумными глазами, он сделал несколько последних прыжков и упал у ног паши.

Изо рта у Георгия Войновича полилась густая кровь, и в крови гвозди.

С изумлением и с ужасом смотрел на него Яшар-паша. С изумлением и с ужасом глядели все албанцы. «Райя» рыдала.

– Встань! – приказал Яшар.

Но Георгий Войнович лежал, дергаясь у ног паши. И кровь лилась, лилась из его рта. Георгий Войнович умирал. Он проглотил несколько гвоздей.

Яшар-паша поднялся.

– Какая верная собака! – сказал он. Ужас охватил Яшара, он вскочил на коня и молча дал знак ехать обратно.

Молча и в ужасе поехали за ним албанцы. Молча и в ужасе пошли каменщики и землекопы, с заступами на плечах, словно могильщики.

А народ теснился вокруг умиравшего в судорогах Войновича, чтоб поцеловать хоть край его одежды. Так умер Вой-

нович и спас старый Липьянский собор. И песни Старой
Сербии до сих пор поют о подвиге Георгия Войновича.

III

Чауш Висла¹⁰

В Ипеке, в Приштине все жалеют чауша Сали-Бисла:

– Такой бравый был человек! И погиб из-за чего?! Из-за женщины.

Сали-Бисла был, действительно, бравый человек. Прежде он разбойничал в горах, – и такого страха нагнал кругом, что ипекский вали послал к нему верного человека.

– Охотнику лучше живется, чем дичи. Чем нам за тобой охотиться, охоться лучше за другими. Чем мерзнуть да мокнуть под дождем в горах, живи лучше в тепле и в холе. Чем разбойничать, – поступай на службу к нашему светлейшему султану. Будешь сам охранять край от разбойников.

Сали-Бисла ответил:

– Что ж, если хорошо заплатят, – мне все равно.

Вали обещал Сали-Висла сделать его через месяц «чаушем» и жалованье дать, как чаушу следует, и пенсию потом, – и послал в Стамбул донесение:

«Порядок вводится быстро. Опаснейший из разбойников Сали-Бисла раскаялся и даже поступил на службу охранять

¹⁰ Чауш – сержант турецкой армии. Время действия – 1896 г. Чауш Висла и теперь еще «гремит» в окрестностях Ипека и, как все албанские бандиты, – «неуловим». – Примечание В.М. Дорошевича

край от других разбойников».

Так Сали-Бисла из разбойника Сали-Бисла стал охранителем страны, а вали получил из Стамбула благодарность за усердие и быстрые успехи.

Однажды соседний албанский бей¹¹, богатый и могущественный человек, позвал к себе чауша Бисла и сказал ему:

– Ты, пожалуйста, не забирай себе в голову, что если исполнишь мою просьбу, то окажешь мне этим огромную услугу. Просто мне, по своему званию, не пристало пачкаться в таких делах. Отчего не дать заработать бедному человеку? Я и подумал: «Чауш Бисла – бравый малый, дам ему заработать».

Сали-Бисла поклонился и подумал:

«Когда богатый начинает заботиться о бедном, значит, ему хочется от бедного что-нибудь получить». А сказал:

– Ты голова, я руки. Ты подумай, – я исполню.

– Нехорошо даже, – сказал бей, – когда хорошая собака – в дурных руках. Не то что человек. Ты знаешь в Ипеке болгара Семена?

– Всю семью знаю! – отвечал Бисла.

– Пропади вся его семья, кроме жены! Марица – красивая баба. Обидно, что собака ест хорошее кушанье, когда люди голодны. Такой женщине место у албанца, а не у гяура!

¹¹ Бей – феодальный титул в странах Ближнего и Среднего Востока. Присваивался людям «благородного» происхождения. В Османской империи – старший офицер, правитель округа, чиновник соответствующего ранга

Бисла поклонился и сказал:

– Что ж, сотня пиастров никому повредить не может! Всякому человеку приятно иметь сотню пиастров.

– А пятьдесят? – спросил бей. – Я о тебе же забочусь, хочу дать работу бедному человеку, а ты...

– Работу бедному человеку норовит дать всякий! – отвечал с улыбкой Висла. – Бедный же благодарит того, кто платит.

– Получай семьдесят пять и славь аллаха за мое благородство.

– Сначала попросим его, чтобы помог в деле.

Через два дня, под вечер, когда Марица шла за водой, из-за камня выпрыгнул Сали-Бисла, схватил ее в охапку, завязал рот платком, побежал с ношей к коню, который был привязан невдалеке, вскочил на седло и повез Марицу к бею.

Делам хорошим и дурным один враг – время. Время приносит мысли. Мысли изменяют дела. Ехал чауш, глядел на Марицу и думал:

– Не держал я в руках семидесяти пяти пиастров? А такой красавицы в руках не держал. Семьдесят пять пиастров! Приставь пистолет ко лбу, – у кого не найдется семидесяти пяти пиастров?! А такой жены не найдется. Бей желает ее себе! Вот какая женщина!

Так дорогой думал Висла.

И с полдороги повернул коня назад. Вместо дома бея отвез Марицу к себе домой.

Прошло три дня, – бей позвал к себе Висла.

– Где Марица?

Бисла улыбнулся:

– Нехорошо, бей! Берут женщин у гяуров. Албанец у албанца женщин не отнимает. Такого обычая нет в нашей праведной земле.

– Как у албанца?! – закричал бей.

Бисла поклонился:

– Ты мудрый, бей, а я человек простой. Мне б и в голову не пришло такой богатой мысли. Ты сказал: «Такая женщина, как Марица, должна быть в доме у албанца, а не гяура». Ты – албанец, я – албанец. Я и отвез Марицу в дом к албанцу. Я украл Марицу. Но крадут, бей, для себя.

Света не взвидел бей:

– Прочь с моих глаз! Будешь ты меня помнить!

Бисла поклонился:

– Да и ты меня не забудешь.

Бей приказал позвать к себе болгара Семена. В слезах к нему явился болгар.

– Слышал я о твоём горе! – сказал ему бей.

– Три дня ищу жену, – как в воду канула! – рыдал болгар.

– Я знаю, кто ее украл! – сказал бей. – Чауш Сали-Бисла..

Он сам мне сознался. Твоя жена у него. Иди к вали и жалуйся. Теперь не прежние времена, разбойничать не ведено!

Побежал Семен к вали.

Вали разгневался и приказал позвать к себе чауша. Смело

пришел Сали-Висла к гневному вали. Вали затопал ногами, закричал:

– Тебя же, негодяй, поставили охранять людей от разбойников, – а ты сам же разбойничаешь? Сейчас сознавайся: ты украл жену у Семена болгара?

Бисла поклонился и спокойно ответил:

– Семена болгара жена у меня. Но я ее не крал. Своих вещей не воруют. Она сама отдала мне свою красоту, еще когда была в доме у Семена. Об одном только и просила: «Возьми меня к себе. Хочу принять ваш святой закон и быть тебе верной женой».

– Врет он! Врет он! – закричал, застонал болгар Семен, который стоял тут же.

Висла оглянулся на него с удивлением, словно только что заметил, что Семен здесь. И пожал плечами:

– В первый раз слышу, чтоб гяуры смели кричать, когда албанец говорил с турком.

Паша закричал на Семена:

– Молчи, собака, когда люди говорят!

Но мрачно посмотрел на Бисла:

– Врешь! Семен болгар говорит, что ты украл! Сейчас отдать Семену жену! Теперь не те времена!

Сали-Бисла поморщился.

– Если ты больше веришь собачьему лаю, чем человеческому голосу, – это дело твоей мудрости, вали. Только в первый раз я слышу, чтоб голос гяура заглушал в ушах право-

верного голос албанца.

Вали задумался.

– Хорошо! – наконец сказал он. – Но теперь не те времена. Теперь все должно делаться по закону. Слышишь? Исполни все, как надо по закону. Приведи женщину в меджидие (Мусульманский общинный совет. – Примечание В.М. Дорошевича.), и если она, как требует закон, скажет сама старшинам, что добровольно, без всякого принуждения, желает принять наш святой ислам, пусть примет и остается у тебя в доме. Если же нет...

Вали погрозился.

– Смотри, Бисла, я поступлю с тобой по закону!

Пожал плечами с презрением Бисла, слушая незнакомое слово.

– Хорошо, вали. Будет сделано по обычаю.

Сали-Бисла пошел к себе домой и сказал все время неутешно рыдавшей Марице:

– Слушай, Марица. Каждому человеку хочется быть господином. Что ты хочешь: быть госпожой или последней из рабынь? Есть вещи, где память сильнее нас. К мужу вернуться тебе нельзя. Если краской покрашено, стереть можно, если каленым железом выжжено, – не сотрешь. Я каленым железом выжег в душе твоего мужа, когда сказал, будто ты сама, добровольно, сбежала со мной. Если б видела ты, что сделалось с ним, когда я это сказал! Забыл даже, что стоит перед вали. Взвыл как зверь. Зверем он будет к тебе. Никогда

тебе не поверит. Все будет думать. Железом выжжено в душе. Отличное вино – жизнь, но когда в него накапали яду, лучше его выплеснуть. Возьми другую чашку и пей из нее. Я тебе даю другую чашку.

Марица зарыдала еще сильнее.

– Я отнял у тебя мужа, я же тебе дам и другого. Будь моею женою, Марица. Идем в меджидие, объяви только старшинам, что ты добровольно, без всякого принуждения, хочешь принять ислам, – и тогда твой муж ничего не может тебе сделать. Что может он сделать магометанке? Да его, – не беспокойся, – посадят в тюрьму, чтоб не лгал на чауша, на правоверного, на албанца, на слугу султана.

Марица вытерла слезы и отвечала:

– Хорошо! Что ж мне еще остается теперь делать!

Сали-Бисла поцеловал ее и повел в меджидие.

– Вот, – сказал он с низким поклоном, – эта женщина, болгарка, хочет оставить свою неправую веру и принять наш святой ислам. Будьте свидетелями, почтенные старшины.

Старшины обратились к Марице:

– Скажи, женщина, добровольно и без принуждения хочешь ли ты оставить свой неправый закон и принять наш святой ислам?

Марица твердо отвечала:

– Нет!

Взвыл Сали-Бисла.

И никто не успел опомниться, как Марица рухнула на пол

с разрубленной ятаганом головой.

Весь обрызганный, залитый кровью, с ятаганом кинулся Сали-Бисла в двери.

Народ в ужасе кинулся в стороны. Сали-Бисла исчез.

Через день всю семью болгара Семена нашли убитой. Его самого, отца, мать.

Все три трупа лежали с отрубленными ушами. А через два дня, – как раз наступил байрам¹², – вали получил в подарок от Сали-Бисла посылку. Шесть отрубленных ушей и записку. «Поступи с ними по закону».

Сали-Бисла ушел в горы. И нет чауша, стражника, охранителя от разбойников, снова сделался разбойником. Даже бей похвалил его:

– Добрый мусульманин. Разгневавшись, убил гяуров, а не поднял руки на правоверного. Мог бы убить меня!

И весь Ипек жалеет до сих пор braveго чауша:

– В горы ушел. Погиб человек! Из-за чего? Из-за женщины.

¹² Байрам – мусульманский праздник.